

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Капитал и план — противоположные формы отчуждения человека в эпоху разделения труда

Миропольский Дмитрий Юрьевич

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета

finec_oet@mail.ru

Ключевые слова: отчуждение, присвоение, творение, свобода, продукт, капитал, план

Keywords: alienation, appropriation, creation, freedom, product, capital, plan

Прежде чем обсуждать отчуждение человека и его формы, необходимо кратко определиться с тем, что такое человек [1, с. 17–27]. Преобладающее понимание человека, сложившееся в западноевропейской культурной традиции и доминирующее сегодня в мире, это понимание его как отдельной личности, персоны, индивидуума и т. п. Логическая односторонность и идеологичность такой трактовки очевидна. Речь здесь идет, конечно же, о единичном человеке и только о нем. Особенности и всеобщие определения человека если и рассматриваются, то выступают как производные и как некие суммы индивидов. Своего апогея эта точка зрения достигла, видимо, именно в экономической теории в форме так называемого методологического индивидуализма: «Прежде всего мы должны осознать, что все действия производятся индивидами. Коллективное всегда проявляется через одного или нескольких индивидов» [2].

Мы решительно отмежевываемся от такого понимания человека и толкуем человека как диалектику единичного, особенного и всеобщего его определе-

ний. В этом смысле ни один индивидуум, каким бы богатым и предприимчивым он ни был, не является истинным человеком, ибо вне особенных своих определений (профессия, класс, конфессия, нация) и вне всеобщих (человечество) он — ничто. С одной стороны, «в одном индивиде представлен весь род человеческий... Он — это „он“, и он — это „все“...» [3]. С другой стороны, «кроме феномена, относящегося к одному лицу... наука должна признать наличие феномена... охватывающего все человечество! Здесь, как и везде в универсуме, целое больше, чем простая сумма образующих его элементов» [4]. Но точно так же класс, нация, человечество не являются истиной человека, так как в этих понятиях утрачивается отдельный (единичный) человек. Поэтому в данной работе употребление слова «человек» (если не оговорено иное) предполагает не отдельную персону, а определенное единство единичного, особенного и всеобщего человека.

Человека надо определить, дать ему какое-то простейшее, исходное определение. Обычно считается, что человек относится к окружающему миру теоре-

тически и практически. Соответственно, определения человека вытекают из этой оппозиции. Те, кто полагают, что исходным в человеке является теоретическое отношение к миру, заключают, что главным отличием человека от природы является его разумность. Человек как мыслящее существо сначала думает, а потом делает. Следовательно, преобразование реальности — нечто вторичное и, соответственно, не самое главное.

Теоретики, которые ставят во главу угла практическое отношение человека к миру, настоятельно указывают на то, что человека отличает от природы материальная деятельность, а еще конкретнее — труд. Мышление же произведено от материальной деятельности и ее условий.

Необходимость преодоления односторонности данных концепций человека очевидна, и отправную точку для этого можно видеть у Маркса: «Последовательно проведенный гуманизм... отличается как от идеализма, так и от материализма, являясь вместе с тем объединяющей их обоим истиной» [5].

Для преодоления указанной противоположности надо найти первоотношение человека к миру, из которого бы произрастали и теоретическое, и практическое отношения. В качестве такого первоотношения мы предлагаем — творение. Человек есть процесс творения, и, соответственно, пересотворение существующего мира есть первое, исходное отношение человека к этому миру. Отсюда теоретическое и практическое отношения выступают лишь односторонними формами единого процесса творения, которые служат ему. Получается, что разум ради разума, лишенный практического момента, неразумен. Недаром пустое теоретизирование всегда вызывает скуку и раздражение. Но и практика ради практики непрактична. Она лишена какой-либо осмысленной цели и совершается методом проб и ошибок, следовательно, ценой огромных издержек.

Что творит человек, пересотворяя найденный мир? Человек творит самого себя. Он заменяет данный ему мир своим собственным миром человека. Эта идея не нова. Еще Пико делла Мирандола в своей «Речи о достоинстве человека» устами бога заявил: «Ты же (т. е. человек. — Д. М.), не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центр мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь» [6]. В современную эпоху К. Ясперс утверждал: «В самой природе человека заложено то, что... он формирует себя посредством искусства. Природа человека — это его искусственность» [7]. Итак, человек выступает как существо, творящее себя, или иначе, универсум, приняв облик человека, пересотворяет самого себя.

Процесс творения универсумом самого себя присутствует в природе в свернутом виде, в себе. Эта потенциальность процесса самосотворения обнаруживается в отделенности его творимого и творящего моментов [8]. Универсум, выступая в форме природы, создает сначала неживые, а затем живые объекты. Но эти объекты не являются одновременно субъектами творения. Они сами себя не творят. Слепая природная необходимость создает слонов и носорогов. Но ни один носорог не будет осуществлять действия, означающие его выход за пределы этой необходимости. Природа творит носорогов, но носороги не творят природу.

Человек же, являясь действительным процессом творения, соединяет в себе творящее и творимое. Он является и объектом, и субъектом процесса творения. В этом смысле универсум как нечто самотворящееся получает в человеке свое высшее воплощение.

Сотворенный человеком мир становится его собственным, присвоенным миром. Творение есть присвоение. У Ж. Сартра есть мысль, что первобытная собственность лучше всего «проясняет отношение творения, которое первоначально конституирует присвоение» [9].

Присвоение предполагает отчуждение. Мир, не сотворенный человеком, не присвоенный им — это мир внешний по отношению к сотворенному, отчужденный мир.

По этому пункту иногда можно слышать недоуменные вопросы типа: «Если я не сотворил данного человека и не присвоил его, значит ли это, что я отчужден от него?» В этой связи хочется опереться на точку зрения И. А. Сафронова, который усматривает фундаментальное противоречие между «человеком как следствием эволюции материальных объектов нашей Вселенной и субъектом, созидаемым мир...» [10, с. 145]. Причем в создаваемый мир у автора входит и сам человек: «Человек способен воспроизводить свое тело и мозг, т. е. создавать себя сам» [10, с. 142]. Чтобы понять эту идею И. А. Сафронова, необходимо вспомнить, что человек есть единство единичного, особенного и всеобщего человека. Поэтому заявление о том, что человек творит самого себя не означает, что единичный субъект А сегодня сотворяет другого единичного субъекта В. Субъект А не может этого сделать и поэтому отчужден от субъекта В. Ведь не случайно первобытные люди считали людьми только родственников [11]. Не родственников, т. е. не людей, можно было есть. Истинное сотворение человеком самого себя и, соответственно, преодоление отчуждения возможно тогда, когда каждый человек станет человечеством, а человечество — каждым человеком. То есть тогда, когда диалектика единичного, особенного и всеобщего определений человека разовьется в полной мере.

Творчество предполагает свободу. Если человек — это творение, то развертывание процесса творения есть одновременно обретение человеком свободы. «Первые выделившиеся из животного царства люди были во всем существенном так же несвободны, как и сами животные, но каждый шаг вперед по пути культуры был шагом к свободе» [12]. В творчестве человек снимает детерминацию своей жизни законами природы. Она превращается в подчиненный момент его деятельности. Если силы природы стали силами человека, то начинается самодетерминация человеком своих отношений. Это и есть свобода.

Таким образом, мы получаем три тесно взаимосвязанных определения человека: «творение», «отчуждение», «свобода», среди которых творение является исходным, а отчуждение и свобода из него следуют. Перейдем теперь к рассмотрению собственно отчуждения. К. Маркс, как известно, делит историю человечества и, в частности, его экономическую историю, на три формации: «...период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной» [13]. Логика этого отрывка показывает, что есть третичная формация — коммунистическая. Мы предпочитаем указанные формации называть эпохой до разделения труда, эпохой разделения труда и эпохой после разделения труда. В связи с данным делением истории возникает вопрос, какой из названных эпох (формаций) соответствует феномену отчуждения человека? Творческое наследие Маркса однозначно говорит о том, что отчуждение преодолевается в третичной формации (эпоха после разделения труда). Что касается первичной и вторичной формаций, то в этом вопросе Маркса можно толковать по-разному. Уже «Экономическо-философские рукописи 1844 года» позволяют считать

феномен отчуждения присущим только вторичной формации (эпоха разделения труда) [14, с. 560–564]. Однако те же «Экономическо-философские рукописи» содержат положения, указывающие на возникновение отчуждения уже в первичной формации (эпоха до разделения труда) [14, с. 564–565]. Последователи Маркса по-разному решали данную проблему. Например, А. Бузгалин и А. Колганов понимают отчуждение «как мир, в котором сущностные силы человека как родового существа, осуществляющего преобразование природы и общества... стали чуждыми для подавляющего большинства членов общества. Они как бы „присвоены“ господствующей социальной системой...» [15, с. 241] И далее: «Эти социальные силы — разделение труда и отношения эксплуатации, государство и традиция, денежный фетишизм и религия — как бы присваивают человеческие качества и тем самым превращают человека-творца в функцию и раба данных вневличностных сил» [15, с. 242]. Приведенные положения авторов говорят о том, что А. Бузгалин и А. Колганов относят явление отчуждения к эпохе разделения труда (вторичной формации). Соответственно, эпохам до и после разделения труда отчуждение не присуще. Аналогичной точки зрения придерживается А. Агг [16] и многие другие авторы. А вот у Э. В. Ильенкова есть положение, позволяющее связывать отчуждение с эпохой до разделения труда [17]. Д. Лукач пишет, что тенденции прогресса «с одной стороны, развивают силы самих людей в плане все более целенаправленного управления условиями их собственного воспроизводства, а с другой — одновременно и зачастую все более быстро развивают угнетение, жестокость, обман и т. п. Первобытное общество не могло само справиться даже с зародышами такого свободного становления причинных и независимых от выбора возможностей действия.

Оно должно было создать институты, призванные принудительно направлять общество по пути, соответствующему объективному развитию» [18].

Какая из позиций ближе к истине? Если человек — это творец, существо, творящее свой собственный мир, то где максимально расцветает эта его творческая природа? Она расцветает в эпоху после разделения труда, когда человек приобретает силы и способности творить и пересотворять свой мир по собственному усмотрению, когда, как отмечалось, законы природы человеком сняты. Здесь нет места отчуждению, ибо никакая внешняя сила не способна ограничивать человеческое творение. Преодоление отчуждения есть одновременно обретение человеком действительной и полной свободы.

Обратимся теперь к эпохе до разделения труда. Человек и здесь творец. Он таким изначально явился в этот мир. Но может ли человек в эту эпоху неограниченно осуществлять свои творческие потенции? Очевидно, что нет.

Посмотрим на отношение человека к природе. Оно противоречиво. С одной стороны, первобытный человек един с природой, он ее присвоил. Разве может житель современного мегаполиса, попав случайно в джунгли, обеспечить себя необходимыми средствами к жизни? Не может. Он неминуемо погибнет. А вот первобытный человек, дитя природы, будет чувствовать себя в джунглях очень хорошо. Однако, с другой стороны, тот же первобытный человек поклоняется силам природы как внешним, могущественным и страшным. Он не может противодействовать их беспорядочному хаосу. А ведь внешние силы природы — это силы самого человека. Он просто еще не успел их освоить, превратить в силы своего универсального творчества. Получается, что человек природу присвоил и одновременно от природы отчужден, то есть относится к ней противоречиво.

Теперь рассмотрим отношение первобытного человека к экономике. Исходным определением экономики мы считаем продукт как процесс производства и потребления [1, с. 14–16]. Такой взгляд отличается от общепринятого. Обычно продукт понимается как результат процесса производства и как предпосылка процесса потребления, но не как сами процессы производства и потребления. Однако следует задуматься, продукт как результат производства и продукт вообще — одно и то же или разные определения? Конечно разные. Продукт как результат производства есть лишь момент единого процесса продукта. Это очень наглядно обнаруживается в некоторых отраслях. Допустим, производство и потребление электроэнергии, оказание услуг и т. п. Здесь отсутствие застывшего результата хорошо демонстрирует природу продукта именно как процесса. Процесса производства и потребления. К идее продукта как процесса вплотную подводит диалектика производства и потребления, данная Марксом во «Введении» [19].

Итак, отношение человека к продукту. Здесь тоже все противоречиво. Продукт как непосредственный акт производства есть одновременно столь же непосредственный акт потребления. Иначе говоря, примитив способен все для себя произвести, и это все может потребить. Он в этом смысле универсален и сам присваивает свой продукт. Никакого отчуждения нет. Однако абсолютно непосредственное есть абсолютно опосредованное. Это означает, что дикий человек присваивает свой продукт только потому, что отчужден от всего потенциального развития своего же производства и потребления. Это первобытное противоречие присвоения продукта и отчужденности от продукта имеет весьма парадоксальные и драматичные формы проявления. Существовая как единый социально-экономический организм, первобытные люди в то же время могут оставить

на съедение гиенам новорожденного, если его мать нечем кормить и у нее отсутствует молоко или ребенка слишком трудно транспортировать и т. п. То есть в сфере первобытной экономики единство человека с самим собой уживается с грубыми формами отчуждения человека от себя самого. Таким образом, эпохе до разделения труда отчуждение присуще.

После эпохи до разделения труда наступает эпоха разделения труда. Опять рассмотрим отношение человека к природе. Мы только что констатировали, что в первобытные времена человек присвоил природу и был отчужден от природы. Разделение труда возникает как стремление и способ преодоления момента отчуждения в отношении человека к природе. Посредством разделения труда человек постоянно осваивает новые силы природы. Эти силы природы вместо внешнего страшного произвола все больше превращаются в творческие силы самого человека. Тем самым момент первобытной отчужденности человека от природы преодолевается.

Однако покорение природы выливается в то, что между собой и природой человек помешает продукт. Продукт превращается в своеобразную «некросферу», непригодную ни для проявлений природной жизни, ни для нормального существования человеческого тела и духа [20, с. 17]. Поэтому первоначальное присвоение человеком природы исчезает, возникает момент отчуждения. Таким образом, диалектика отчуждения в отношении человека с природой такова, что то, что было присвоенным в эпоху до разделения труда, стало отчужденным, а то, что было отчужденным, стало присвоенным.

В эпоху разделения труда меняется и отношение человека к продукту. В эпоху до разделения труда отношение к продукту включало момент отчужденности и момент присвоения. Стремясь преодолеть момент отчуждения от продукта, человек разделяет труд.

Если выражаться более точно, человек разделяет не только труд, но продукт в целом. Идет процесс разделения первоначального простого продукта. Продукт есть процесс производства и потребления. Труд выступает моментом процесса производства, поэтому дифференциация производства и потребления необходимым образом включает и разделение труда как более частный процесс.

Разделяя продукт, человек уходит от первоначальной жалкой непосредственности продукта; продукт становится все более изобильным, разнообразным, прогрессивным. В этом смысле человек присваивает те потенции, которые заложены в непосредственном продукте и тем самым преодолевает свою отчужденность от них. Чем опосредованнее продукт, тем ярче расцветает продуктивное творчество человека. Однако разделяя продукт, человек одновременно утрачивает первобытную присвоенность продукта, и все мерзости современного отчуждения тоже светятся пышными красками.

Во-первых, человек становится специалистом. Специалист умеет производить частичный продукт. Продукт же за пределами этой частички становится ему чуждым. Общество превращается в сборище «уродов», каждый из которых выполняет одну операцию и больше не умеет делать ничего [20, с. 46]. Возникает жуткое противоречие между универсальной природой человека и пожизненным закручиванием гайки на конвейере. Человек «относится к самому себе как к существу универсальному и потому свободному» [21, с. 564]. Однако «чем лучше оформлен... продукт, тем более изуродован рабочий; чем культурнее созданная... вещь, тем более похож на варвара он сам» [21, с. 562].

Во-вторых, возникает асимметрия между производством и потреблением продукта. В производстве, как только что отмечалось, человек становит-

ся специалистом, отчужденным существом, а в потреблении он пользуется плодами труда многих специалистов. То есть потребляемый продукт гораздо универсальнее производимого. Поэтому если ты избежишь специализированного производства и будешь занят только потреблением, муки отчуждения станут меньше, хотя и не исчезнут совсем [22, 23].

В-третьих, чтобы потреблять не производя, необходимо присвоить средства производства, отчуждая от них других членов общества. Иначе говоря, в условиях разделения труда одним людям неизбежно удастся ослабить собственную отчужденность от продукта, многократно усилив отчужденность других. Возникают богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые.

В-четвертых, частное присвоение средств производства означает неестественное, символическое творение. Ж. Сартр пишет: «Если владение дано полностью и конкретно, то владелец является основанием бытия объекта, которым он обладает» [24, с. 592]. И далее: «Иметь означает вначале создавать. И связь с собственностью, которая тогда устанавливается, есть связь непрерывного творения» [24, с. 592–593]. «Объект, которым владеют в качестве владеемого, есть непрерывное творение» [24, с. 594]. В отчужденном мире уголь творят не шахтеры, уголь творит угольный король.

Таким образом, в эпоху разделения труда в отношении к продукту, как и в отношении к природе, момент отчуждения превращается в момент присвоения, а момент присвоения в момент отчуждения.

Разделение труда (продукта) есть одновременно соединение труда (продукта). Ведь разделение продукта на различные виды и подвиды производства и потребления одновременно предполагает необходимость сохранения этих специализированных и концентрированных звеньев в единстве. Иначе

нормальное воспроизводство окажется невозможным. В результате разделение труда (продукта) осуществляется двумя встречными способами. Один способ предполагает, что отдельные специализированные продукты, соединяясь, дают продукт как единый. Второй способ означает, что продукт как единый распадается на отдельные специализированные звенья. В первом случае доминируют специализированные отдельные продукты, а продукт как единый произведен от них. Во втором случае доминирует единый продукт, а специализированные звенья — лишь его акциденции.

Эти два способа разделения труда (продукта) породили две экономические формы продукта — капитал и план.

Капитал предполагает, что основанием экономики являются специализированные, частичные продукты, находящиеся в индивидуальной частной собственности отдельных лиц. Здесь человек (капиталист), пребывая в единстве со своим частичным продуктом, абстрагирован, т. е. отчужден от продукта как единого. Продукт как абстрактное единство выступает по отношению к частному собственнику в виде внешней, роковой силы. Основное противоречие капитализма и есть эта форма отчуждения.

План как форма продукта, противоположная капиталу, возникает тогда, когда основанием экономики является продукт как единый. В этом случае единый продукт становится неделимой, коллективной частной собственностью бюрократии. Однако класс бюрократии, обладая единым продуктом, отчужден от частичных процессов производства и потребления. Здесь, в противоположность капитализму, частичные процессы производства и потребления выступают внешней, враждебной силой, которая может лишит бюрократию ее собственности. И бюрократия как единый класс, боясь потерять собственность, обрушивает на своих отдельных представителей молот репрессий.

Если основное противоречие капитала — противоречие между общественным характером производства (и потребления) и частной формой присвоения, то основное противоречие плана — противоречие между частным (частичным) характером производства и потребления и общественным характером присвоения. Под общественным присвоением здесь разумеется коллективная частная собственность бюрократии.

Если капитал и план — две равноправные и равновозможные формы человеческого отчуждения, то чем определяется то, почему в одном случае продукт принимает форму капитала, а в другом — плана?

Выше отмечалось, что отношение человека к продукту в эпоху разделения труда включает момент присвоения и момент отчуждения. Если в конкретной исторической ситуации для данного сообщества людей капитал дает максимум присвоения и минимум отчуждения, то продукт этих людей примет форму капитала. План они любить не будут. Если же, наоборот, историческая ситуация такова, что именно план дает максимальное присвоение конкретному сообществу людей их продукта, а отчуждение сведено к минимуму, то продукт примет форму плана. Капитал они отринут как систему безжалостной эксплуатации человека человеком.

Выше было отмечено, что проблема отчуждения идет рука об руку с проблемой свободы. Посмотрим, как решается вопрос о свободе человека в условиях капитала и в условиях плана. С точки зрения сегодняшней расхожей идеологии рынок обеспечивает человеку свободу, а план — несвободу.

В начале статьи мы связали свободу человека с творением и показали, что действительная свобода человека возникает тогда, когда человек обретает возможность абсолютного творчества. В экономике это означает, что каждый человек может производить и потреб-

лять продукт любого качества и в любом количестве. Находится ли человек сегодня в таком состоянии абсолютного творчества? Не находится. Такое состояние действительной экономической свободы наступает только в эпоху после разделения труда, т. е. при коммунизме. Именно там отсутствует какая-либо внешняя, отчужденная от человека сила, способная ограничивать его творчество.

Но тогда о какой же свободе трубят современные идеологи рынка? Видимо, о какой-то неполноценной, ограниченной свободе. Принцип функционирования рынка (капитала) — торговая сделка, осуществляемая между индивидуальными частными собственниками. Следовательно, рынок призван обеспечивать максимальную свободу торговли для частных собственников. Индивидуальный частный собственник должен иметь абсолютную, ничем не ограниченную свободу продавать и покупать свою собственность. Отсюда вытекает, что чем больше размеры твоей индивидуальной частной собственности и чем успешнее ей торгуешь, тем ты и свободнее. Поэтому истинный смысл буржуазной свободы — это свобода капиталиста увеличивать свой капитал. И самыми свободными субъектами рыночной экономики являются собственники самых больших капиталов.

А если индивидуальный частный собственник, свободно торгуя собственностью, ее потерял? Пусть изволит проследовать на помойку. Свобода положена только успешно торгующим и увеличивающим свой капитал. Капиталист, утративший капитал, перестает быть капиталистом и впадает в абсолютно отчужденное, несвободное состояние.

Допустим теперь, что в капиталистическом обществе нашелся человек, который заявил, что как гражданин свободной страны, он имеет право не торговать. Что следовало бы ему ответить? Ему следовало бы ответить,

что он, находясь в свободной стране, конечно, имеет полное право не торговать. Но пусть тоже отправляется на помойку и наслаждается своей свободой там, ибо, не торгуя, он лишится всех средств к существованию.

Таким образом, истинная буржуазная свобода в одном — торговать и увеличивать свой капитал. Понятно, что это свобода, но ограниченная, убогая свобода. И тем не менее эта извращенная форма свободы может нравиться многим людям, а у некоторых даже вызывать восторг. В каком случае это происходит? Выше было отмечено, что капитал как форма продукта несет в себе моменты присвоения и отчуждения, и если момент присвоения доминирует над моментом отчуждения, общество воспринимает капитал благосклонно.

Основная форма отчуждения в условиях капитала — утрата продукта как целого в пользу частичных процессов производства и потребления. Так вот, если ситуация складывается так, что отдельные капиталисты, торгуя и увеличивая капитал, одновременно обеспечивают более-менее сносное воспроизводство продукта как целого, а следовательно, и сносное воспроизводство рабочей силы, то присвоение доминирует по отношению к отчуждению. Это положение дел сказывается и на ощущении свободы. Даже эксплуатируемые в таком обществе чувствуют себя скорее свободными, чем подавленными враждебными силами. Они не хотят видеть, что их свобода есть одновременно отсутствие таковой [25].

Исследуем теперь взаимосвязь свободы и отчуждения в условиях плана. Если принцип функционирования рынка — торговая сделка между индивидуальными частными собственниками, то принцип плана — дезагрегирование объема в номенклатуру и агрегирование номенклатуры в объем, осуществляемое внутри класса бюрократии [26]. Следовательно, свободой в условиях плана является как можно более точные

разработка, выполнение и отчет о выполнении плана.

Как вы понимаете, это совершенно иная свобода, нежели рыночная. Если в условиях рынка — это свобода индивидуума (как отдельного собственника), то в условиях плана свобода — это свобода бюрократии как единого человеческого существа (как единого собственника). Здесь нет места никакой индивидуальной свободе, здесь, наоборот, один как все и все как один: «Мы как единая сила разрабатываем и выполняем такой план, какой нам нужен». Гегель, будучи идеологом бюрократии, писал: «Государство как действительность субстанциальной воли, которой оно обладает... и есть в себе и для себя разумное. Это субстанциальное единство есть абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода достигает своего высшего права, и эта самоцель обладает высшим правом по отношению к единичным людям...» [27]

А если попадетсЯ какой-нибудь индивидуалист, который не хочет участвовать в разработке и выполнении плана? Тогда он своими действиями нарушает свободу бюрократии в целом и свободу каждого отдельного бюрократа в частности. В условиях рынка место нарушителей буржуазной свободы под забором, а в условиях плана место таких «врагов народа» — в ГУЛАГе.

Это свобода? Конечно свобода. Но так же как и в условиях рынка — извращенная свобода, только на другой лад. Может ли такая свобода нравиться? Очень даже может. План, будучи противоположной капиталу формой продукта, так же несет в себе моменты присвоения продукта и отчуждения от него. Основная форма отчуждения в условиях плана: продукт как единое отчуждается от частичных процессов производства и потребления. Если развитие плановой экономики идет так, что, воспроизводя целое, бюрократия не упускает контроль над частичными продуктами, то

присвоение доминирует над отчуждением. Если момент присвоения преобладает над моментом отчуждения, то, обрисованная выше бюрократическая форма свободы, принимается и поощряется обществом: захотели построить Днепрогэс — запланировали и построили; захотели построить Магнитку — запланировали и построили; захотели полететь в космос — запланировали и полетели. Это ли не свобода?

Но если бюрократия не может обеспечить эффективный переход объема в номенклатуру и номенклатуры в объем, то есть утрачивает контроль над воспроизводством частичных продуктов, она и себя чувствует бессильной и несвободной, и эксплуатируемое население вместо совершенно-мудрых вождей видит глупых начальников, творящих нелепый произвол и подавляющих свободы граждан.

В марксистской политической экономике доминирует идея, что планомерность (план) приходит на смену капиталу и является экономической формой коммунизма. Мы придерживаемся иного взгляда и полагаем, что капитал и план — отчужденные, антагонистические формы продукта, присущие эпохе разделения труда. В этой связи возникает естественный вопрос, какая экономическая форма продукта присуща коммунизму, приходящая на смену капиталу и плану? Этот вопрос сколь естественен, столь и сложен. С большей или меньшей степенью уверенности можно заявить, что это будет экономика, в которой и капитал и план, выступают в качестве подчиненных моментов более сложной экономической реальности. По всей видимости, начало этого преодоления противоположности капитала и плана наблюдается в сетях. Именно информационная сеть представляет собой новую экономическую систему, где товарно-денежные (капитал) и номенклатурно-объемные (план) отношения начинают не просто смешиваться, а интегрироваться во что-то новое.

Какие выводы можно сделать из изложенного? Во-первых, феномен отчуждения нельзя связывать только с эпохой разделения труда, так как есть отчуждение человека от его универсальной, творческой природы. Соответственно, вся человеческая история — это преодоление возникающих форм отчуждения и, тем самым, движение к действительному универсальному творчеству, а значит и к свободе. Поэтому, не исследовав отчуждение в эпоху до разделения труда, невозможно понять его до конца и в эпоху разделения труда, в частности, в современных условиях.

Во-вторых, в эпоху разделения труда отчуждение выступает не в одной форме — форме капитала, а в двух. Вторая форма отчуждения — план. Признание этого факта — необходимое условие политико-экономического осмысления

как самого плана, так и условий перехода человечества к коммунизму.

В-третьих, в статье в общем виде показано, что у разных народов в разных историко-экономических условиях капитал и план дают разные сочетания моментов присвоения и отчуждения. Следовательно, в эпоху разделения труда сообщества людей, находящиеся в конкретных условиях, могут и должны выбирать — какой путь экономического развития дает им минимум отчуждения и максимум присвоения: путь капитала или путь плана (или их определенная комбинация).

Конечно, остается вопрос, каковы же конкретные исторические условия доминирования капитала или плана, и, соответственно, минимизация отчуждения в том или ином сообществе. Но сложный анализ этих условий — тема другой статьи.

Литература

1. *Миропольский Д. Ю.* Очерки теории продукта : потенциальные формы капитала и плана эпохи до разделения труда. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015.
2. *Мизес Л.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2008. С. 43.
3. *Фромм Э.* Человек для себя. Минск: Коллегиум, 1992. С. 44.
4. *Шарден П. Т.* Феномен человека. М.: Наука, 1987. С. 146.
5. *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. С. 631.
6. *Мирандола П. дела.* Речь о достоинстве человека // Человек и мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. М.: Политиздат, 1991. С. 221.
7. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 67.
8. *Спиноза Б.* Избранные произведения. Т. 1. М.: Политиздат, 1957. С. 387–388.
9. *Сартр Ж. П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. С. 592.
10. *Сафронов И. А.* Философские проблемы единства человека и природы. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1992.
11. *Лукач Д.* К онтологии общественного бытия. М.: Прогресс. С. 260.
12. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 116.
13. *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд-е 2-е. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 404.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956.
15. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Глобальный капитал. Т. 1. Методология: по ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма. М.: Ленанд/URSS, 2015.

16. *Агг А.* Мир человека как субъекта производства. М.: Прогресс, 1984. С. 25.
17. *Ильенков Э. В.* Философия и культура. М., 1991. С. 171. 464 с.
18. *Лукач Д.* К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991. С. 258.
19. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд-е 2-е. Т. 46. Ч. 1. М.: Политиздат, 1968. С. 27–28.
20. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. Пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997.
21. *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений М.: Политиздат, 1996.
22. *Фромм Э.* Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эрика Фромма. М.: Юрист, 1995. С. 381–383.
23. *Маркузе Г.* Одномерный человек М.: Республика, 2000. С. 592.
24. *Сартр Ж. П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.
25. *Адорно Т.* Негативная диалектика. М.: АСТ, 2014. С. 324.
26. *Миропольский Д. Ю., Максимцев И. А., Тарасевич Л. С.* Основы теоретической экономики. СПб.: Питер, 2014. С. 310–323.
27. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 279.